

ОТЗЫВ

члена диссертационного совета о диссертации Хубраковой Индры Владимировны на тему «Моделирование аллофонного варьирования гласных (экспериментально-фонетическое исследование на материале бурятского языка)», представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по научной специальности 5.9.8. – Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Представленное к защите диссертационное исследование посвящено важной проблеме фонетической реализации фонем в речи и установлению пределов фонетической (в данном случае акустической) вариативности реализации фонем. Работа выполнена в русле Ленинградской (Щербовской) фонологической школы и развивает представления о фонетической вариативности фонем и в целом о речевом воплощении фонетических единиц, которому, как одному из ключевых вопросов ленинградской/петербургской фонологии, в рамках Школы уделяется большое внимание. Несмотря на пристальное внимание петербургских фонетистов к данному вопросу, нельзя сказать, что здесь поставлена точка в исследовании, прежде всего потому, что описана фонетическая вариативность реализации фонем далеко не во всех языках и даже семьях и группах языков. И в этом смысле **объект** исследования данной диссертации – реализация гласных фонем бурятского языка – является весьма важным для построения общей теории фонетической вариативности, поскольку бурятский язык (один из монгольских языков), до сих пор не изучен в этом аспекте. В этой связи **актуальность** настоящего исследования не вызывает сомнений. Кроме того, поддержка языков народов Российской Федерации требует их систематического лингвистического изучения, что также делает исследование актуальным.

Предметом исследования в данной работе, на мой взгляд, является определение акустической вариативности гласных фонем (монофтонгов) бурятского языка в зависимости от позиционных и комбинаторных условий реализации и моделирование областей реализации гласных фонем в поле F1–F2. В качестве факторов вариативности акустических параметров рассматриваются такие позиции реализации, как употребление в первом/непервом слоге (что важно для бурятского языка, так как первый слог определяется в нем как сильная позиция гласного), а также употребление после согласных разного места образования. Кроме того, параметры реализации звуков в указанных позициях сопоставляются с параметрами изолированного произнесения гласных и параметрами гласных в изолированно произнесенных словах.

Выбор такого предмета исследования делает работу **теоретически значимой** и определяет ее **новизну**. Обращение к нескольким факторам варьирования позволяет автору рассмотреть акустическую реализацию гласных фонем бурятского языка объемно, сразу с нескольких точек зрения. Подобное исследование для бурятского вокализма проводится впервые. Построенные модели акустической вариативности гласных важны не только для развития бурятской фонологии, но и для общей фонологии, поскольку, как уже говорилось выше, общая теория фонетической вариативности строится на обобщении материалов разных языков.

Наиболее интересные результаты, полученные в диссертации, как мне кажется, состоят в следующем.

Во-первых, автор убедительно показывает, что акустические параметры гласных в позициях изолированного произнесения не для всех гласных совпадают с параметрами гласного, реализованного в связной речи, даже при чтении. При этом явно наблюдается разница между гласными: при том что практически все гласные в связной речи сдвигаются к центру формантной области гласных, гласные переднего и заднего ряда ведут себя не совсем одинаково. Так, неверхние гласные переднего ряда, помимо движения назад по ряду, характеризуются еще и движением вверх (но не вниз!) по подъему, в то время как закрытые гласные заднего ряда могут сдвигаться и вниз по подъему. Этот факт необходимо осмыслить с точки зрения фонологии, поскольку такая вариативность реализации гласных переднего и заднего рядов вполне может быть связана со смысловаразличением или с сингармонизмом, который в бурятском языке весьма своеобразен.

Во-вторых, кажутся весьма важными доказательства того, что в бурятском языке различаются реализации гласных в первом и непервом слогах (гласный в первом слоге подвергается меньшим позиционным изменениям, чем в остальных слогах), а также что долгие гласные при реализации в речи имеют меньшие границы вариативности, чем краткие. Последнее свидетельствует о важности фактора длительности при позиционных процессах, о чем упоминал еще Л.В. Щерба в связи с русским языком и что, возможно, является универсалией.

В-третьих, весьма привлекает то факт, что информанты для эксперимента подбирались с учетом социальных параметров (пола и специальности) и учитывались их психологические особенности. Жаль, что эти данные были востребованы только при анализе темпа речи, однако они отражены в полученной базе данных и могут быть привлечены для дальнейшего анализа.

Отдельно хочется отметить представительный материал исследования (проведено 858 измерений), а также качественный иллюстративный материал – рисунки, на которых представлены зоны варьирования фонетических реализаций гласных фонем бурятского языка; интерес представляет и рис. 65, на котором в поле F1–F2 изображены реализации всех фонем и который демонстрирует, что в связной речи характеристики гласных покрывают почти все поле возможных значений F1–F2.

Практическая ценность данного исследования определяется прежде всего в создании базы данных фонетических реализаций гласных фонем бурятского языка, которая может применяться при проектировании звуковых цифровых систем с использованием бурятского языка. Кроме того, полученные в диссертации данные могут использоваться при чтении курсов по фонетике бурятского языка и по общей фонетике.

Несмотря на высокую оценку диссертации в целом, позволю себе высказать несколько замечаний и вопросов.

1. Когда видишь в названии диссертации словосочетание «моделирование аллофонного варьирования», ожидаешь увидеть в работе не только описание акустических областей реализации отдельных фонем, но и их аллофонов или хотя бы

попытку выделения аллофонов гласных в бурятском языке на основе полученных акустических параметров. К тому же и сам материал диссертации показывает, что для многих фонем можно выделить статистически различные области акустических реализаций в разных позициях (см., например, рисунки на с. 85, 87, 101 и др., а также все рисунки главы 4). Однако в работе такой вопрос не ставится, а последовательно описывается вариативность реализаций акустических параметров фонем (на самом деле моделирование аллофонного варьирования языка – это полноценная докторская, но автор сам так обозначил тему диссертации).

В связи со сказанным выше не всегда можно согласиться с использованием термина «аллофон», как например в следующем контексте: «Акустические корреляты по дифференциальному признаку ‘ряд гласного’ аллофона [ε:] соотносятся с показаниями основного аллофона в позиции ПС» (с. 58). Здесь не совсем ясно, идет речь об одном аллофоне фонемы /ε:/ или о разных – основном и еще каком-то? Но почему тогда (как и во всех иных случаях) автор использует одно и то же обозначение для фонемы и всех ее аллофонов? Аналогичная путаница возникает и в таблицах, см., например таблицу 6, которая называется «Максимальные и минимальные значения F1 и F2 позиционных аллофонов первого и непервого слогов»: здесь левый столбец таблицы имеет имя «Аллофоны», но ниже представлены фонемные знаки; таблица 53 полностью повторяет таблицу 6 (с названием), но в ней уже представлены скобки для аллофонного варьирования. Вообще, анализируемые единицы в диссертации (даже в однотипных таблицах) могут быть названы гласными, звуками, аллофонами и фонемами. Поэтому возникает вопрос: как именно автор понимает термин «аллофон» и как, по его мнению, аллофон соотносится с фонемой и звуком?

2. Еще немного о терминах. В диссертации делаются выводы относительно устойчивости дифференциальных признаков гласных (см., например, с. 132), а также на защиту выдвигается положение о большей вариативности гласных «по дифференциальному признаку ‘ряд гласного’» (с. 135). Однако ни собственно фонологического, ни перцептивного анализа дифференциальных признаков диссертантом не проводилось. Понимая, что значения F2 связаны с рядом гласного, тем не менее полагаю, что этот вопрос нужно было, во-первых, обсудить в рамках теоретической главы, во-вторых, представить доказательства (из научной литературы или из собственных исследований) о границах варьирования как F1, так и F2 не в произнесении, но в восприятии носителей бурятского языка, чтобы можно было делать выводы относительно фонологического статуса данного варьирования. Кроме того, хотелось бы отметить, что в силу устройства артикуляторного аппарата и возможностей движения языка вариативность значений F2 гласных почти всегда превышает вариативность значений F1.

3. Еще одно замечание касается описания методов исследования и статистических процедур. В работе очень подробно описаны процедуры выбора дикторов и указано, что все распределения акустических параметров проходили проверку на нормальность, что «первичная обработка результатов эксперимента проводилась в программе STATISTICA с привлечением опытного специалиста в сфере технологии обработки и анализа данных...» (с. 41), а также что «акустические модели создавались с применением специальных алгоритмов, разработанных кафедрой прикладной математики и информатики на базе

Бурятского государственного университета в программе Statistica 10 на основе большого массива данных, которые прошли проверку на нормальность распределения данных» (с. 15). Однако сами алгоритмы не представлены и нет объяснения, на основании каких статистических процедур принимались решения о существенности или несущественности расхождений между исследуемыми параметрами, которые в большом количестве присутствуют в работе (см., например, с. 15, 37, 52, 62 и др.).

4. И в завершение один вопрос: на основании представленных в работе данных о темпе речи, длительности звуков и их качественных изменениях в связной речи можно ли поставить вопрос о наличии редукции в бурятском языке? В литературе на этот счет встречаются противоречивые мнения от полного отрицания качественной редукции в бурятском языке до описания ее в отдельных морфемах (см. [Дырхеева 2019]). Как автор диссертации оценивает возможность наличия качественной редукции в свете полученных ею данных?

Высказанные замечания ни в коей мере не влияют на положительную оценку работы в целом и вызваны интересом автора отзыва к поставленной проблеме. И.В. Хубраковой проделана большая работа по описанию акустических параметров гласных в бурятском языке, которая, безусловно, является важным вкладом в развитие фонетики бурятского языка. В качестве перспективы хотелось бы пожелать автору в дальнейшем не ограничиваться рассмотрением отдельно позиционных и комбинаторных условий, а изучить их сочетание, поскольку в живой речи эти условия, конечно же, пересекаются.

В целом диссертация И.В. Хубраковой является самостоятельным законченным научным исследованием, в котором рассматривается важная научная проблема, полученные результаты характеризуются новизной, имеют теоретическую и практическую значимость. Все положения, выносимые на защиту, в работе доказаны.

Диссертация Хубраковой Индры Владимировны на тему «Моделирование аллофонного варьирования гласных (экспериментально-фонетическое исследование на материале бурятского языка)» соответствует основным требованиям, установленным Приказом от 19.11.2021 № 11181/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете», соискатель Хубракова Индра Владимировна заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по научной специальности 5.9.8. – Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика. Нарушения пунктов 9 и 11 указанного Порядка в диссертации не установлены.

Член диссертационного совета

доктор филологических наук, профессор,

заведующий кафедрой теоретического и прикладного языкознания

Пермского государственного национального исследовательского университета

Ерофеева Елена Валентиновна

08.09.2023

Подпись *Е.В. Ерофеева* заверяю

Ученый секретарь совета

Е.В. Ерофеева